

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛОГРАФІЯ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. — Характеристика Ермолова.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Поврежденное изданіе, подъ редакціей О. М. Водянскаго. Четыре книги за 1867.

IV.

Матеріалы для исторіи персидской войны 1826—1827 годовъ.

Мы видѣли, что Ермоловъ, съ самаго вступленія своего въ управленіе Грузіей и въ командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, не переставалъ обращать вниманіе правительства на болѣе или менѣе близкую возможность разрыва съ Персіей, недовольной гюлистанскимъ трактатомъ и желавшей возстановить свое вліяніе на мусульманскіе народы, подчиненные Россіи. Мы видѣли также, что Алексѣй Петровичъ представлялъ несомнѣнныя доказательства недобросовѣстныхъ дѣйствій тегеранскаго двора въ отношеніи Россіи и явнаго намѣренія наследника шахскаго престола, Абаса-мирзы, начать съ нами войну при первомъ удобномъ случаѣ. Изъ Петербурга же Ермоловъ постоянно получалъ въ отвѣтъ инструкціи о сохраненіи мира съ Персіей во что бы то ни стало и объ умѣренности въ сношеніяхъ съ шахскимъ правительствомъ. Тревожнымъ донесеніямъ его не довѣряли, или, по крайней мѣрѣ, считали преувеличенными его опасенія.

Отъ 10-го декабря 1825 г. Ермоловъ вновь извѣщалъ графа Нессельроде о заносчивыхъ требованіяхъ тегеранскаго двора по вопросу объ опредѣленіи границъ и еще разъ подтверждалъ, что *никакія уступки (персіянамъ) не могутъ имѣть мѣста безъ ощутительнаго для насъ вреда*. Въ отвѣтъ на такое заявленіе, императоръ Николай Павловичъ удостоилъ Ермолова рескриптомъ (отъ 11-го января 1826 г.), въ которомъ объяснялъ, что, при тогдашнемъ возмущеніи противъ насъ

почти всѣхъ горскихъ народовъ и при шаткости мира съ Турціей, надлежало „всемирно стараться прекратить дружелюбно возникшія распри и увѣрить персіянъ въ искренности желанія нашего утвердить мирныя съ ними связи“. Въ такомъ же смыслѣ дано было порученіе и генераль-маіору князю Меншикову, отправленному къ шаху съ возвѣщеніемъ о кончинѣ императора Александра и о вступленіи на престолъ императора Николая.

Прошло только полгода послѣ этого рескрипта и вотъ что императоръ Николай собственноручно писалъ изъ Москвы, отъ 1-го августа 1826 г.:

„Съ прискорбіемъ читаль я донесеніе ваше (*), Алексѣй Петровичъ! Стало, не всегда добрыя намѣренія вѣнчаются успѣхомъ, и за скромность и миролюбіе наше платятъ намъ коварствомъ.

„Сколь ни избѣгалъ я войны, сколь ни избѣгалъ оной до послѣдней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство Россіи терпѣть могло отъ наглости сосѣдей безумныхъ и неблагодарныхъ. Хотя надѣюсь и полагаю, что происшедшія военныя дѣйствія суть собственное нахальство сардара Эриванскаго, но въ государствахъ, столь благоустроенныхъ, каково персидское, можно, требуя удовлетворенія, и самимъ оно себѣ доставлять. А потому и предписавъ вамъ немедленно выступить противъ Эриванскаго сардара, ожидаю скорого извѣщенія вашего, что, съ помощію Божіей, нѣтъ сардара, и Эривань, съ его областію, заняты вами: вы и пятнадцать тысячъ русскихъ достаточный мнѣ залогъ успѣховъ.

„Прочее увидите въ предписаніи; одно здѣсь прибавлю: вы христіанскій вождь русскій; докажите персіянамъ, что мы ужасны на полѣ битвы, но что мирный житель можетъ найти вѣрный покровъ и всегдашнее покровительство среди стана нашего.

„На вашу отвѣтственность возлагаю наблюденіе сей моею непремѣнной воли.

„За симъ Богъ съ вами! Былъ бы Н. П. (Николай Павловичъ) прежній человекъ, можетъ быть, явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ

(*) О вѣроломномъ вторженіи персіянъ въ наши предѣлы.

вашимъ пожинать лавры. Еще разъ Богъ съ вами! Буду ожидать частыхъ донесеній вашихъ, которыхъ прошу доставленія по возможности.

„Вамъ искренно доброжелательный

„Николай.“

Вмѣстѣ съ рескриптомъ, Ермоловъ получилъ отношеніе начальника главнаго штаба его величества. Изъ этого документа видно между прочимъ, что Алексѣй Петровичъ считалъ необходимымъ энергическія, съ нашей стороны, наступательныя дѣйствія, но для того просилъ объ усиленіи кавказскаго корпуса *двадцатью четырьмя комплектными баталіонами*. Дибичъ извѣщалъ, что ни тогдашнее положеніе политическихъ дѣлъ, ни размѣщеніе войскъ 1-й и 2-й армій не позволяли „удовлетворить его требованія въ полной мѣрѣ“, что можно было удѣлить только одну 20-ю пѣхотную дивизію съ ея артилеріей и прислать шесть донскихъ казачьихъ полковъ. „Его Величество полагать изволить“ — прибавлялъ начальникъ главнаго штаба — „что тѣхъ подкрѣпленій тѣмъ болѣе достаточно нынѣ будетъ вашему высокопревосходительству, для успѣшныхъ дѣйствій, что полки ввѣреннаго вамъ корпуса находятся въ комплектѣ и въ недавнемъ еще времени были усилены своднымъ гвардейскимъ полкомъ и людьми, выписанными изъ гвардіи и изъ Черниговскаго пѣхотнаго полка“ (*). Далѣе Ермолову писали, что и до прибытія подкрѣпленій онъ въ состояніи начать сильныя наступательныя дѣйствія, потому что имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 30,000 пѣхоты по ту сторону Кавказа, изъ которыхъ могъ собрать въ одинъ корпусъ до 13,000 пѣхоты, а съ кавалеріей и артилеріей до 15,000 человекъ. На основаніи такого расчета, Дибичъ объявлялъ Алексѣю Петровичу высочайшую волю о немедленномъ открытіи наступательныхъ дѣйствій въ направленіи къ Эривани съ тѣмъ, что бы занять сардарство Эриванское; если же персидское правительство и послѣ этого не дастъ удовлетворенія за нанесенное Россіи оскорбленіе, то продолжать быстро дѣйствовать чрезъ Нахичевань и Марандъ на Тавриазъ, занять этотъ городъ, истребить въ немъ все казенное имущество и сжечь всѣ зданія, принадлежащія правительству, въ особенности же уничтожить всѣ военныя заведенія и запасы.

Частныя неудачи, которыми началась война, чрезвычайно

(*) Послѣ событій 14-го декабря 1825 года.

огорчили императора Николая Павловича. Отъ 10-го августа его величество писалъ Ермолову: „Съ душевнымъ прискорбіемъ и, не скрою, съ изумленіемъ получилъ я ваше донесеніе отъ 28-го іюля. Русскихъ превосходствомъ силъ одолѣвали, истребляли, но въ плѣнь не брали. Сколько изъ бумагъ понять я могъ, вездѣ въ частномъ исполненіи видна оплошность неизмѣрная: гдѣ предвидѣлись военныя обстоятельства, должно бы было къ нимъ и приготовиться... Я надѣюсь, что вы нашли способъ выручить полковника Реута. И тутъ замѣчу, что мнѣ непонятно, что бы въ Шушѣ, въ сборномъ пограничномъ мѣстѣ, не было достаточныхъ запасовъ, чтобъ держаться столько, что бы ближнія войска могли подоспѣть на помощь“.—Наступательныя дѣйствія, хотя на время, государь считалъ тѣмъ болѣе необходимыми, что послѣ неудачнаго начала надлежало ободрить войска какимъ-нибудь блестящимъ успѣхомъ. Но что бы удостовѣриться въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и передать Ермолову подробнѣйшія указанія, императоръ призналъ нужнымъ послать генераль-адъютанта Паскевича. „Я посылаю вамъ“ — писалъ онъ — „двухъ извѣстныхъ вамъ генераловъ: генераль-адъютанта Паскевича и генераль-маіора Дениса Давыдова. Первый, мой бывший начальникъ, пользуется всею моею довѣренностію; онъ лично можетъ вамъ объяснить все, что, по краткости времени и по безизвѣстности, не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, далъ я вамъ отличнѣйшаго сотрудника, который выполнить всегда всѣ, ему дѣлаемыя, порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостію. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ мнѣ все, что отъ васъ поручено будетъ давать знать, что и прошу дѣлать какъ и наичаще“.

Получивъ донесеніе Ермолова о томъ, что, до прибытія подкрѣпленій, онъ намѣренъ ограничиться оборонительными дѣйствіями, императоръ на другой же день (11 - го августа) повторилъ свою волю дѣйствовать непремѣнно наступательно и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ Ермолову, въ случаѣ болѣзни его или какаго другаго непредвидимаго обстоятельства, передать начальство надъ кавказскимъ корпусомъ Паскевичу.

Первые успѣхи нашихъ войскъ противъ персіянъ успокоили императора и намѣреніе Ермолова дѣйствовать, до времени, оборонительно, было одобрено. Начальникъ главнаго штаба писалъ Алексѣю Петровичу (отъ 23-го октября): „Государь

императоръ, согласно съ мнѣніемъ вашимъ, полагаетъ, до приступа къ дальнѣйшему рѣшительному наступленію, дожидаться прибытія направленныхъ къ вамъ подкрѣпленій и учрежденія надежныхъ средствъ къ продовольствію дѣйствующихъ войскъ". Въ рескриптѣ же на имя Ермолова (отъ 24-го октября) государь благодарилъ и поздравлялъ Алексѣя Петровича съ успѣшнымъ прогнаніемъ Абаса-мирзы за Араксъ, поручалъ ему изъяснить особенное высочайшее благоволеніе генералъ-адъютанту Паскевичу и прибавлялъ: „Я совершенно раздѣляю съ вами мнѣніе ваше касательно дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій противъ персіянъ. Я весьма согласенъ, что, прежде нежели перейти Араксъ, лучше очистить наши провинціи совершенно отъ непріятеля, упрочить спокойствіе оныхъ и, обезпечивъ продовольствіе войскъ на дальнѣйшее дѣйствіе, внести тогда уже войну въ предѣлы Персіи и дѣйствовать рѣшительно“.

Подкрѣпленія между тѣмъ прибыли. Но какъ изъ отношенія Ермолова (отъ 5-го января 1827) къ Дибичу императоръ усмотрѣлъ недостатки въ тѣхъ приготовленіяхъ, отъ которыхъ зависѣла возможность тотчасъ же открыть рѣшительныя наступательныя дѣйствія и воспользоваться безоружіемъ персіянъ въ зимнее время, то начальникъ главнаго штаба его величества, извѣщая о высочайшемъ согласіи на составленный Алексѣемъ Петровичемъ планъ военныхъ дѣйствій, прибавлялъ, что бы, согласно волѣ государя, исполненіе этого плана отнюдь не было отлагаемо далѣе 1-го апрѣля. Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ февралѣ, Дибичъ былъ посланъ въ Грузію съ уполномоченіемъ на всѣ мѣры, о чемъ Ермоловъ получилъ увѣдомленіе слѣдующимъ рескриптомъ: „Алексѣй Петровичъ! По важности военныхъ обстоятельствъ въ Грузіи и Персіи, дабы имѣть, съ одной стороны, самыя подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и о всѣхъ пріуготовительныхъ мѣрахъ, и съ другой усилить и ускорить оныя кратчайшимъ личнымъ сношеніемъ съ вами, отправляю Я въ Грузію начальника главнаго моего штаба, объяснивъ ему подробно о предположеніяхъ моихъ и уполномочивая его на всѣ мѣры, дабы привести въ точное и безотлагательное исполненіе данныхъ ему отъ Меня личныхъ наставленій.

„Н и к о л а й“.

С.-Петербургъ.
3-го января 1827 года.

Ровно черезъ мѣсяць послѣ того, какъ былъ подписанъ этотъ рескриптъ, когда, слѣдовательно Дибичъ уже пріѣзжалъ въ Тіюлисъ, Ермоловъ обратился къ государю съ слѣдующимъ письмомъ:

„Ваше Императорское Величество!

„Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность Вашего Императорскаго Величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ беспокоить Ваше Величество мысль, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть, нужной въ военныхъ дѣлахъ, рѣшительности, хотя бы природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается тою мыслию, что не буду умѣть исполнить волю Вашу, Всемилостивѣйшій Государь!

„Въ семь положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однакоже, просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми; но, устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общею, которая всегда была главною цѣлію всѣхъ моихъ дѣйствій.

„Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподанный
Алексѣй Ермоловъ“.

3-го марта 1827 года.

Тіюлисъ.

24-го марта 1827 года начальникъ главнаго штаба препроводилъ къ Ермолову лаконическое извѣщеніе такого содержания:

„Господину генералу-отъ-инфантеріи и кавалеру Ермолову.

„По Высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію на увольненіе Вашего Высокопревосходительства въ Россію и на вступленіе, по сему случаю, въ главное начальство надъ войсками кавказскаго отдѣльнаго корпуса и въ главное управленіе здѣшнимъ краемъ, на существующемъ нынѣ основаніи, генералу-отъ-инфантеріи Паскевичу, прошу Ваше Высокопре-

восходительство покорѣйше учинить нужное о семь, съ вашей стороны, распоряженіе.

„Начальникъ Главнаго Штаба

Иванъ Дибичъ“.

Послѣ такого рода документовъ живѣйшій интересъ и существенно важное историческое значеніе получаетъ Ермолова „Журналъ донесеніямъ Его Императорскому Величеству со времени вторженія персіянъ въ границы“. Когда настанетъ пора обнародованія конфиденціальныхъ донесеній Паскевича и Дибича и будутъ напечатаны записки современныхъ дѣятелей, напримѣръ Дениса Давыдова, тогда только окажется возможною правдивая исторія персидской войны 1826—1827 г. Уже теперь, съ обнародованіемъ документовъ, въ видѣ приложеній къ запискамъ Ермолова, объясняется многое, хотя и не все. По крайней мѣрѣ теперь нельзя сложить на одного Ермолова всю вину неудачъ нашихъ при началѣ войны съ персіянами. Ермоловъ давно предвидѣлъ разрывъ, давно предупреждалъ о немъ, но его предостереженіямъ не давали вѣры, постоянно предписывали ему осторожность и умѣренность въ сношеніяхъ съ тегеранскимъ дворомъ, и онъ, не имѣя достаточнаго числа войскъ, не только не могъ дѣйствовать такъ, какъ бы желалъ, но не могъ и приготовиться къ неожиданному вторженію. Въ первомъ донесеніи своемъ государю о вѣроломномъ вторженіи персіянъ (отъ 22-го іюля 1826 г.) онъ говорилъ: „Не скрою отъ Вашего Императорскаго Величества: защищать столько обширныя границы, не разсѣвая войскъ и не подвергая ихъ опасности, особенно при недостаткѣ ихъ, рѣшительно невозможно. Въ первомъ случаѣ я долженъ ожидать урона, или на время оставить которую нибудь изъ провинцій, что можетъ имѣть худое вліяніе на народы, не обыкшіе еще къ повиновенію и возбуждаемые сверхъ того фанатизмомъ. Но не только выйти изъ сего затруднительнаго положенія возможно, но и заставить персіянъ дорого заплатить за дерзость ихъ и гнусное коварство. *Надобно внести войну въ собственную ихъ землю*“. Для этого-то Ермоловъ и просилъ скорѣйшей присылки двухъ комплектныхъ дивизій въ двадцать четыре баталіона и шести донскихъ казачьихъ полковъ (*). Имѣя всего въ своемъ распоряженіи не болѣе двѣнадцати дѣйствующихъ баталіоновъ,

*)с Вкорѣ потомъ, увидѣвъ вѣстну нашей татарской конницы, Ермоловъ признавалъ нужнымъ имѣть у себя не менѣе 5,000—6,000 регулярной кавалеріи,

онъ полагалъ, до прибытія подкрѣпленій, ограничиться оборонительными дѣйствіями, а чтобы предупредить покушенія непріятели, имѣлъ въ виду учредить летучій отрядъ между Тифлисомъ и Елисаветполемъ. Въ тоже время онъ думалъ усилить войска на эриванской границѣ и тѣмъ не только воспрепятствовать персіянамъ внести войну въ сердце Грузіи, но, при благопріятномъ случаѣ, угрожать имъ вторженіемъ въ Эриванское ханство.

Неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ очутился Ермоловъ, должны были огорчать его тѣмъ болѣе, что прежняя его боевая дѣятельность постоянно ознаменовывалась успѣхами. „Ищу, Государь, оправдать себя во мнѣніи Вашемъ, ибо не имѣю счастья быть извѣстнымъ Вашему Императорскому Величеству“, писалъ онъ во второмъ своемъ донесеніи отъ 30-го іюля. — „Къ тому же начало службы моей новому моему государю сопровождаемо обстоятельствами, которыя, наружностію своею, могутъ обвинять меня. Если бы обстоятельства сіи мнѣ одному грозили лишеніемъ репутаціи, умѣлъ бы я заставить молчать мои частныя выгоды; но когда затмѣвается слава оружія нашего и не въ приличномъ видѣ является величіе и могущество Русскаго Государя, репутація моя перестаетъ быть достояніемъ частнымъ и не должна терпѣть или отъ неблаговоленія ко мнѣ лично министра (графа Нессельроде), или отъ совершеннаго невѣжества его относительно дѣлъ здѣшной страны и состоянія Персіи.“

Въ томъ же донесеніи Ермоловъ предсказалъ, что война съ персіянами есть „преддверіе войны съ Портою....“

Изложивъ императору причины, почему до времени надлежало ограничиться оборонительными дѣйствіями, Ермоловъ представилъ объясненія и по поводу оплошности нѣкоторыхъ частныхъ начальниковъ. Крѣпость Шуша, по его словамъ, не была назначена сборнымъ мѣстомъ, потому что находилась въ сторонѣ отъ дороги, идущей къ границамъ, и по этой же причинѣ не была вооружена и снабжена запасами. Предписаніе полковнику Реуту оставить Карабагъ мятежники перехватили. Приказаніе тремъ ротамъ о выходѣ изъ Карабага и о присоединеніи къ полку были получены во-время, но не исполнены начальникомъ этихъ ротъ. Въ Талышинское же ханство предписанія Ермолова не дошли, потому что ханъ возмущился прежде открытія персіянами враждебныхъ дѣйствій. Притомъ,

по объясненію Ермолова, и невозможно было бы удержать это ханство однимъ баталіономъ; но Ермоловъ допускалъ, что расторопный баталіонный командиръ могъ бы благополучно выбратъся изъ Ленкорана, чего не сумѣлъ сдѣлать маіоръ Ильинскій, служившій прежде въ гвардіи, человекъ образованный, но „неспособный и робкій“, какъ сказано въ донесеніи императору. Въ заключеніе Ермоловъ говорилъ: „Не дерзаю оправдать себя, всемилостивѣйшій государь, но повергаю въ милостивое вниманіе, сколько затруднительна связь въ дѣйствіяхъ частныхъ начальниковъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ, и когда обстоятельства дѣйствія ихъ нерѣдко предоставляютъ собственнымъ ихъ соображеніямъ“.

Для историка, который воспользуется обнародованными нынѣ документами, останется неоспоримымъ тотъ фактъ, что Ермоловъ при самомъ началѣ былъ убѣжденъ въ счастливомъ окончаніи войны и что операціонный планъ, имъ начертанный, былъ, въ своихъ главныхъ чертахъ, исполненъ и довелъ войска наши до Тавриза. Хотя Ермоловъ и полагалъ нужнымъ занять Тегеранъ, если бы персіяне не стали просить мира послѣ взятія Тавриза, однако не сомнѣвался, что шахъ поспѣшитъ предложить выгодный для насъ миръ, лишь бы не допустить русскія войска до своей столицы, что, по всей вѣроятности, повлекло бы за собой возмущеніе противъ него и противъ племени каджаровъ.

Между многочисленными офиціальными бумагами, помѣщенными въ „Приложеніяхъ“ къ запискамъ Ермолова, обращаютъ на себя вниманіе два письма его къ графу Нессельроде объ экспедиціи въ Хиву капитана генеральнаго штаба Муравьева 4-го (*) и о вторичной экспедиціи къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, подъ начальствомъ того же Муравьева. Мысли, высказанныя Ермоловымъ почти за пятьдесятъ лѣтъ по поводу экспедицій въ эти страны, свидѣтельствуютъ, какъ вѣрно оцѣнивалъ онъ интересы Россіи на Востокѣ вообще и какъ горячо принималъ къ сердцу возможность утвердить преобладающее вліяніе Россіи на среднеазіатскія ханства для выгоды отечественной торговли.

Въ 1816 году адмиралъ Мордвиновъ внесъ въ комитетъ министровъ записку объ основаніи прочнаго заведенія на вос-

(*) Вслѣдствіи бывшаго наместникомъ кавказскимъ.

точною берегу Каспійскаго моря и такимъ путемъ установить правильныя торговыя сношенія съ Хивою, съ Бухарою и съ сѣвѣрною частію Индіи. Для достиженія этой цѣли, Ермоловъ признавалъ необходимымъ построить въ Красноводскомъ заливѣ небольшую крѣпость, которая обуздывала бы хищныхъ туркменовъ и служила бы опорною точкою нашей торговой колоніи. Со временемъ, Ермоловъ полагалъ возможнымъ имѣть наши купеческія конторы въ Бухарѣ, для непосредственнаго торга съ сѣвѣрною частію Индіи, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по его выраженію, „еще доселѣ остерегаются проницливости и постоянныхъ домогательствъ индійской компаніи“. Въ томъ случаѣ, если бы послѣ смерти Фетъ-али-шаха возникли въ Персіи безпорядки и образовалась власть враждебная Россіи, надлежало бы, по мнѣнію Ермолова, отдѣлится отъ Персіи области Астрабадъ, Мазандеранъ и Гилянъ, сдѣлать ихъ независимыми, „избытки сихъ областей излить между трухменскимъ народомъ и оживотворить степи, къ Хивѣ простирающіяся“. Признавая *весьма странною* мысль о завоеваніи Хивы и Бухаріи, Ермоловъ тѣмъ не менѣе не видѣлъ въ невозможности, ни чрезвычайной трудности въ покореніи этихъ ханствъ, и, въ такомъ предположеніи, сулилъ блистательную будущность нашему заведенію на восточномъ берегу Каспія, какъ „единственному обладателю всего моря“. Другую торговую колонію, преимущественно для господства надъ туркменскими племенами, живущими по восточному берегу Каспія, онъ думалъ основать при урочищѣ Тюкь-Караганъ, осмотрѣнномъ въ 1806 году, по высочайшему повелѣнію, инженеръ генерал-маіоромъ Фелькерзамомъ. „Допустивъ возможность овладѣть Хивою и Бухарою“—говорилъ Ермоловъ— „ничто не можетъ воспрепятствовать имѣть выгодную и непосредственную торговлю съ сѣвѣрною Индіей, не раздѣляя оной съ обладателями полуострова (т. е. съ англичанами), которые мнятъ, что всѣ богатства должны принадлежать имъ исключительно.... Если и мечтою почестъ подобныя замыслы, можно ограничиться сущностію выгодъ отъ приобрѣтенія плодородной Хивы и богатствами изобилующей Бухаріи. Въ разсужденіи моемъ, не на одномъ правдоподобіи основанномъ, я хотѣлъ только изъяснить, къ какимъ обширнымъ предпріятіямъ можетъ проложить путь прочное на восточномъ берегу Каспійскаго моря заведеніе“.

Это письмо было писано изъ Тифлиса отъ 21-го апрѣля 1820 года.

Въ слѣдующемъ году Ермоловъ посылалъ вторичную экспедицію къ восточнымъ берегамъ Каспія для избранія мѣста подъ укрѣпленіе и другія заведенія, необходимыя для торговли. Изъѣзжая графа Нессельроде (27-го марта 1822 года) о результатахъ экспедиціи, и сообщая свои дальнѣйшія предположенія объ устройствѣ нашихъ торговыхъ сношеній съ средне-азиатскими владѣніями, Ермоловъ указывалъ на необходимость точнаго изслѣдованія Аральскаго моря, и если бы оно оказалось судоходнымъ, то считалъ нужнымъ возложить укрѣпленіе на Аму-Дарьѣ. Но говоря о снаряженіи новой экспедиціи съ этою цѣлю, онъ старался успокоить графа Нессельроде отсутствіемъ всякихъ замысловъ относительно завоеванія Хивы: „Не отнесите, ваше сіятельство, мнѣнія моего къ замыслу покорить Хиву. Я слишкомъ твердо знаю великодушныя правила Государя Императора хранить пріязнь и дружеское съ собѣдами; но излагаю потому, что впоследствии времени это можетъ даже быть полезнымъ...“

Многое совершилось съ тѣхъ поръ, какъ Ермоловъ впервые высказалъ свои мысли по средне-азиатскому вопросу. Мы утвердились на Аральскомъ морѣ; мы предпринимали экспедиціи въ Хиву, воевали съ коканцами, съ бухарцами, и хотя еще не рѣшили окончательно средне-азиатскаго вопроса, но несомнѣнно двинули его впередъ, и, благодаря успѣхамъ нашего оружія, положили начало той цивилизаціи, которая рано или поздно, дастъ другое направленіе судьбамъ средней Азии. Начало выполненія этой великой задачи неотъемлемо принадлежитъ нашимъ войскамъ; остальное довершать мирныя завоеванія торговли.

Характеристика Ермолова.

Въ третьей книгѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ за настоящій годъ помѣщена статья „Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ“, составляющая отрывокъ изъ неизданнаго труда, недавно скончавшагося, глубокоуважаемаго писателя Егора Петровича Ковалевскаго (*).

(*). Некрологъ Егора Петровича Ковалевскаго помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ „Военнаго Сборника“ въ „Русскомъ Военномъ Обзорѣніи“. Статья его „Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ“, составляетъ главу изъ II части неизданнаго труда: „Исторія Россіи въ XIX столѣтіи“.

Статья эта, какъ и всѣ произведенія покойнаго автора, отличается глубиною и многосторонностью изслѣдованія, безукоризненно честнымъ отношеніемъ къ предмету, вѣстѣ съ блестящимъ и чрезвычайно интереснымъ изложеніемъ.

Самое заглавіе статьи говоритъ о ея содержаніи. Въ ясной и полной картинѣ авторъ представляетъ политическія отношенія Россіи къ Портѣ Отоманской и къ Персіи въ концѣ царствованія императора Александра и въ началѣ царствованія императора Николая, отношенія, какъ извѣстно служившіе, какъ бы, введеніемъ къ турецкой и персидской войнамъ, прославившимъ начало царствованія императора Николая Павловича.

Не касаясь политической части труда Е. П. Ковалевскаго, мы остановимся на приведенной авторомъ весьма рельефной и правдивой характеристикѣ нашего знаменитаго война и государственнаго дѣятеля Алексѣя Петровича Ермолова.

„Изъ ряда людей, прославленныхъ отечественною войною, говоритъ авторъ, изъ тѣснаго круга дѣятелей государственныхъ возвышается величавая фигура, выдающаяся изъ-за всѣхъ другихъ. Мужественная голова, со смѣлою и гордою посадкою на мощныхъ плечахъ, привлекательное очертаніе лица, соразмѣрность членовъ и самыя движенія свидѣтельствуютъ о великой нравственной и физической силѣ Ермолова, этого необыкновеннаго человѣка. По времени своей жизни, онъ захватываетъ еще екатерининскаго славнаго вѣка. Начавъ военное образованіе въ школѣ Суворова, изъ рукъ котораго получилъ георгиевскій крестъ, онъ окончилъ его у Кутузова и Барклайде-Толли, при которыхъ уже нерѣдко является самъ учителемъ. Кутузовъ очень любилъ его, особенно въ началѣ, и оставилъ въ немъ слѣды своего воспитанія не только военнаго, но и нравственнаго. Однажды, глядя съ высоты на отступление французовъ и несущагося за ними, какъ гнѣвъ небесный, Ермолова, Кутузовъ съ самодовольствіемъ указалъ на него многочисленной свитѣ своей: „еще этому орлу я не даю полету“. Нѣсколько разъ потомъ онъ повторялъ: „Il vise au commandement des armées“ (онъ мѣтитъ въ главнокомандующіе), а проникательный, опытный старикъ рѣдко ошибался“.

Далѣе авторъ приводитъ нѣкоторые изъ біографическихъ фактовъ о молодости Ермолова, нелишенныхъ интереса. „Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, говоритъ онъ, по рожденію (онъ родился

въ 1777 году), принадлежалъ къ небогатымъ, но старинной дворянской фамиліи Орловской губерніи. Отецъ его имѣлъ нѣкоторое значеніе въ послѣднее время царствованія Екатерины II; онъ состоялъ правителемъ канцеляріи при графѣ Самойловѣ, бывшемъ въ то время, какъ говорилось „въ случаѣ“, а потому сынъ его, записанный, по тогдашнему обыкновенію на службу чуть не съ пеленокъ, поступилъ прямо въ чинъ капитана адъютантомъ къ Сомойлову на 16 году отъ рожденія“.

Подобное, весьма блестящее начало службы юнаго офицера, не удовлетворило его. Въ 1794 году, Алексѣй Петровичъ отлично выдержалъ экзамень для перевода въ артилерію, и вскорѣ за тѣмъ принялъ участіе въ войнѣ противъ Поляковъ, и за отличія, оказанныя при штурмѣ Праги получилъ вышепомянутую награду — орденъ св. Георгія 4 степени. Не смотря на свою молодость Ермоловъ обратилъ на себя особенное вниманіе высшаго начальства, почему на него было возлагаемы различныя порученія; такъ его посылали въ Италію, а потомъ назначили состоять при австрійскомъ главнокомандующемъ Девисѣ, при чемъ онъ успѣлъ участвовать въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ французовъ. Возвратившись въ Россію, Ермоловъ отправился на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ персіянъ и при взятіи Дербента. По окончаніи войны, прекратившейся при восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, Ермоловъ возвратился съ Кавказа.

Такая подготовка, говоритъ авторъ, казалась, сулила ему славную будущность; но случилось иначе.... Вскорѣ по возвращеніи, онъ попалъ въ крѣпость; выпущенный оттуда, какъ ни въ чемъ не виновный, онъ, по новому донесенію своего начальства въ неблагонадежности, сосланъ былъ на постоянное жительство въ Кострому, гдѣ нашелъ много такихъ же, какъ и онъ, ссыльныхъ, и въ томъ числѣ славнаго Платова, съ которымъ очень сблизился“. Живя въ Костромѣ, молодой Ермоловъ ему было около 23 лѣтъ“, посвятилъ себя тщательному изученію военныхъ наукъ и латинскаго языка, къ которому имѣлъ большое расположеніе.

По вступленіи на престолъ императора Александра, Ермоловъ, въ числѣ многихъ другихъ, былъ снова возвращенъ государственной службѣ. „Въ царствованіе этого государя — говоритъ г. Кавалевскій — дѣятельность Ермолова достигла въ полномъ блескѣ своего развитія и прервалась въ самомъ раз-

гарѣ вмѣстѣ съ жизнью Александра. Они были однихъ лѣтъ и оба сошли съ поля дѣйствія, почти въ одно время — одинъ въ могилу, другой — обреченный невольному бездѣйствію *на покой*, для него мучительный“... Известно, что въ 1827 г., на мѣсто Ермолова, бывшаго командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

Но перейдемъ къ самой характеристикѣ. „Ермоловъ — говоритъ авторъ — обладалъ необыкновенной силой характера, закалившагося еще болѣе въ огнѣ безпрестанныхъ битвъ и нравственной борьбы; это былъ человекъ несокрушимой воли и энергіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ и безпредѣльнаго честолюбія, не того суетнаго честолюбія, которое хлопочетъ изъ-за личныхъ мелкихъ страстей или какихъ-нибудь служебныхъ выгодъ, но которое стремится пріобрѣсть общественное вліяніе, народную извѣстность, которое хочетъ передать имя свое потомству. Прибавьте къ этому отличное военное образованіе, умъ свѣтлый, понимающій вещи съ разу, даръ слова увлекательный и всѣмъ извѣстное мужество, и вы убѣдитесь, что Кутузовъ былъ правъ въ своемъ сужденіи о немъ, и что дѣйствительно Ермоловъ былъ рожденъ, чтобы командовать арміями на полѣ битвы. Но чтобы достигнуть командованія, надо прійти самому по лѣстницѣ подчиненности: этого-то не умѣлъ Ермоловъ. Онъ постоянно чувствовалъ свое превосходство передъ другими, не признавалъ военной іерархіи, обращался со старшими съ пренебреженіемъ, осыпалъ ихъ колкостями и мѣткими замѣчаніями. Его остроты, особенно на нѣмецкихъ генераловъ, помнятъ и теперь. Когда онъ былъ еще полковникомъ, одинъ изъ генераловъ замѣтилъ: „хоть бы его скорѣе произвели въ генералы, авось тогда онъ будетъ обходительнѣе и вѣжливѣе съ нами“. За то онъ былъ идиоломъ подчиненныхъ, особенно молодежи. Онъ очаровывалъ своимъ обращеніемъ; только немногіе, изъ болѣе опытныхъ и перерегѣвшихъ въ жизни, угадывали, что тутъ есть что-то не свое, неестественное, не прямо истекающее отъ сердца, а прошедшее чрезъ процессъ мысленія. Выразимся точнѣе: тутъ было не безъ затаенной мысли, не безъ хитрости“.

Отсюда понятно, что „Ермоловъ имѣлъ множество враговъ въ высшихъ слояхъ, чему способствовалъ самъ своимъ неудержимымъ на колкости языкомъ; всеильный Араповъ является однимъ изъ главнѣйшихъ“.... „Генералы, носившіе иностран-

ныи таланты (особенно Витъ и Виттенштейна) — продолжаетъ авторъ — и лица вообще не теряли его, потому что онъ съ особеннымъ оживленіемъ преслѣдовалъ ихъ своими островами“....

Императоръ Александръ умѣлъ оповѣсть необыкновенныя способности А. П. Ермолова и употребить ихъ въ дѣло. Принимая блистательное участіе во всѣхъ замѣтныхъ военныхъ событіяхъ того времени, Ермоловъ въ 1808 г. былъ генералъ-майоромъ, въ 1812 г. — генералъ-адъютантомъ, а въ концѣ этого года начальникомъ всея дѣствующей артиллеріи. Въ 1813 и 1814 годахъ Ермоловъ, во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ, командовалъ нашею гвардіею, а въ 1815 г. — во Франціи, гренадерскими корпусомъ.

Въ 1815 г. ожидали, что Ермоловъ будетъ назначенъ военнымъ министромъ. Д. В. Давыдовъ рассказываетъ, что бывшій врагъ Алексѣя Петровича Аракчеева, при разговорѣ съ императоромъ Александромъ, сказалъ государю слѣдующее: „Армія наша, изуренная продолжительными войнами, нуждается въ хорошихъ военныхъ министрѣ; я могу указать вашему величеству на двухъ генераловъ, кои могли бы въ особенности занять это мѣсто съ большою пользою: графа Верюжова и Ермолова. Назначенію перваго, ищащаго большаго связи и богатства, всегда любезнаго и пріятнаго въ обществѣ и нелишеннаго дѣятельности и тонкаго ума, возрадовались бы всё; но ваше величество вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ энергіи и бережливости, какія намъ, въ настоящее время, необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ весьма несправедливо, потому что онъ началъ съ того, что перагрызется со всѣми; но его дѣятельность, ужъ, твердость характера, безкорыстіе и бережливость его, вносили бы въ дѣла государства оправданіе.“ Такъ отзываясь о немъ чужими руками не бранилъ къ Ермолову. Но дѣйствио, что въ 1816 г. состоялось назначеніе Алексѣя Петровича командиромъ кавказскаго корпуса.

„Мы на конемъ здѣсь блистательной дѣятельности Ермолова въ афганскомъ краѣ, говорить г. Коналевскій. Описаніе ихъ принадлежитъ исторіи покоренія Кавказа. Не говоримъ объ его характерѣ вообще, не можемъ не упомянуть объ одномъ свойствѣ этого характера, развитомъ въ высшей степени; я не назову его безкорыстіемъ, — безкорыстіе еще не большая добродѣтель, — это страсть, заботливость сохранить, гдѣ можно

государственные деньги, которая нерѣдко заглушала въ немъ собственныя нужды; даже при крайней необходимости въ деньгахъ, онъ постоянно отказывался отъ денежныхъ наградъ, и когда государь Александръ Павловичъ назначилъ ему довольно значительную аренду, онъ убѣдилъ (государя) взять назадъ уже подписанный указъ, хотя ровно ничего не имѣлъ. Враги его толковали, что это уловка, хитрость со стороны Ермолова, что въ этомъ отказѣ вѣрно кроется какая-нибудь задняя мысль, желаніе получить болѣе современемъ. Жаль — продолжаетъ авторъ — что они сами не прибѣгли къ той же уловкѣ; отъ этого наши финансы, конечно много бы выиграли. Что же касается до Ермолова, то онъ какъ пріѣхалъ въ Тифлисъ (при назначеніи военнымъ губернаторомъ края) въ простой кибиткѣ, такъ и выѣхалъ послѣ десятилѣтняго управленія краемъ, въ такой же кибиткѣ, да еще встрѣчаясь дорогой съ самыми мелочными затрудненіями!....

Нашъ великій поэтъ Пушкинъ, посѣтившій Алексѣя Петровича Ермолова, уже отставнаго, такъ описываетъ личность этого знаменитаго русскаго воина и государственнаго дѣятеля: „Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ, голова тигра: на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что не естественная; когда же задумывается и жмурится, то онъ становится прекраснымъ и рѣшительно напоминаетъ поэтическій портретъ писанный Дюу“.

Извѣстно, что А. П. Ермоловъ умеръ въ 1861 году (на 84 году жизни). Прахъ покойнаго, согласно желанію его, положенъ въ г. Орлѣ, на городскомъ кладбищѣ, близъ могилы отца.

Государь Императоръ, желая почтить доблестную память славнаго воина, 14-го іюля 1864 года, соизволилъ повелѣть опустить изъ государственнаго казначейства 6,000 р. на сооруженіе надгробнаго памятника Ермолову, о чемъ было своевременно объявлено (*). Было бы весьма интересно имѣть точныя свѣдѣнія о памятникѣ одному изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей.

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1864 года, № 10, „Русское Военное Обозрѣніе“ тр. 169.